

ГЛАВА 1

От варягов одни неприятности. Обычно все три княжны Ярославны, будучи наполовину шведками, спорили с этим расхожим утверждением. Но сегодня даже сама княгиня Ингигерда молчала, не пытаясь защищать соотечественников.

Началось все с Ульва сына Рёгнвальда, который приходился княгине Ингигерде двоюродным племянником и потому занимал в варяжской дружине князя Ярослава одно из самых почетных мест. Его отец, Рёгнвальд ярл, двоюродный брат княгини, много лет правил от ее имени в городе Ладоге. Тринадцать лет назад он умер и его сменил старший сын Эйлив, а Ульв, младший, служил в Киеве. Из отрока, жаждущего славы, он давно превратился в закаленного, покрытого шрамами воина, жаждущего денег. Славы, конечно, тоже, но она у него уже была.

— Скоро кончается год, конунг! — кричал он на пиру после долгожданного окончания Четырешатницы¹, когда все гости были порядком пьяны. Договор наемные варяж-

¹ Четырешатница — Великий Пост.

ские дружины обычно заключали весной, после прибытия из Северных Стран и перед началом походов, поэтому их «год» кончался именно в это время. — А за этот год мы почти ничего не получили, кроме нашего жалкого содержания! Кроме дружинного дома, в котором крыша течет и из щелей дует! Этот дом, должно быть, возвел еще твой отец, Вальдамар конунг, а то и дед! Мы живем там почти на головах друг у друга, и тебе пора позаботиться о том, чтобы построить другой, попросторнее!

Сам Ульв уже много лет был женат на киевлянке и жил на собственном дворе, достаточно обширном, чтобы разместить там дружину. Произнося эту речь, он имел в виду удобства простых воинов, не настолько еще богатых и знатных, чтобы жить в отдельных домах. И товарищи встречали его слова нестройным гулом и криками одобрения. Кто же не согласится, если ему скажут, что он живет слишком скромно и получает мало денег? По крайней мере, в Киеве, где идеи христианского смирения и нестяжательства распространялись еще не слишком широко, подобные слова находили в сердцах живейших отклик. И особенно в дружине варягов, прибывших в Восточные Страны за богатством и почетом.

— Отважные воины мерзнут зимой, как жалкие рабы! — поддержал Ульва Сэмунд Железное Брюхо. Этот воин получил свое прозвище после того, как однажды в драке на глазах у многих его ударили ножом в живот, но он остался цел. На самом деле у него под одеждой была кольчуга, о которой, конечно, знали далеко не все. — И в году завелось слишком много постов, когда мы едим хлеб и кашу, тьфу, а о мясе только мечтаем!

— Когда жалкий хвост селедки нам подается как великая милость Божия!

Варяги дружно зашумели, и даже кмети русской Ярославовой дружины гудели, выражая понимание и сочувствие. В эту пору славяне готовились отмечать весенние праздни-

ки в честь Ярилы, варяги — Праздник Дис, и если на это время приходился пост, в который привычная гульба и пирование не дозволялись, дружины шумно возмущались новым порядком.

— Ты еще не так стар, Сэмунд, чтобы потерять память! — заметил князь Ярослав Владимирович. Он и правда был скуповат, но свои обязательства всегда выполнял честно. — Вы получаете дом, содержание и эйрир серебром в год, не считая доли в добыче. А в прошлом году...

— Разве мы мало приносили тебе добычи в прежние годы? — перебил его не собиравшийся сдаваться Ульв. — Ты мог бы завесить коврами весь наш дом! И если удача покинула тебя и с тобой мы не одерживаем побед, то нам придется поискать себе другого вождя!

Князь Ярослав нахмурился: он же, выходит, еще и виноват во всем! Но Ульв был пьян, как и все, кто нестройным хором его поддерживал. Ярослав, от природы легко возбудимый и гневливый, с возрастом приобрел способность сдерживать первый порыв и действовать не раньше, чем все предстоящие шаги, а также их возможные последствия будут продуманы. Его многому научили события почти тридцатилетней давности, когда он ночью перебил обидевших его новгородцев, а уже наутро, получив вести из Киева, вынужден был чуть ли не на коленях слезно умолять Новгород простить его и поддержать в борьбе с братьями.

А ведь причиной той давней ссоры стали варяги! Варяжские наемные отряды, которые порой причиняют столько неприятностей, но без которых он не мог обойтись.

Легко управлять дружиной тому, кто сам бьется в первых рядах! Иные вожди не держат под своим началом бойцов сильнее себя и живут спокойно. Варяги часто смеются между собой, что, дескать, если Ярислейв конунг последует примеру тех вождей, то в дружину ему придется набирать только хромых, слепых, одноруких и прочих увечных. Хорошо же будет воинство, со смеху можно помереть! Верные

люди доносили ему об этих разговорах, но Ярослав не находил в них ничего смешного. Ему с детства не повезло со здоровьем. Среднего роста, не отличавшийся могучим сложением, он к тому же ухитрился вывихнуть правое бедро сразу, как только начал учиться ходить! Неотвязная боль в правой ноге стала чуть ли не первым его осознанным впечатлением в жизни. Ведуньи помогли, ходить он все-таки смог, но хромота мешала во всем. Когда Владимировых сыновей начали обучать обращению с оружием, Ярослава одолевали не только старшие братья, но и младшие. Самолюбивый и раздражительный, он не терпел насмешек и лез в драку, даже зная, что победить не сумеет. И со временем привык к мысли, что к победе его приведут иные пути... Силой Ярослава стали наемные варяжские дружины. Уже будучи зрелым мужчиной, при осаде Киева печенегами он был ранен стрелой опять-таки в правое колено и с тех пор не мог обходиться без посоха.

К тому же теперь князь был не молод — как-никак заканчивался шестой десяток, — и ему приходилось смиряться с тем, что дружину, оплаченную его деньгами, водит в бой кто-то другой. И нередко этот другой пытался присвоить право ею распоряжаться. Как вот Ульв! Конечно, у Ярослава подрастали сыновья, но кто-то же должен сидеть в Новгороде и других городах. Да и не желал князь еще при жизни отдавать дружину в руки сына. Наемника, в конце концов, всегда можно прогнать... пока он не слишком обнаглел и не прогнал тебя самого. Удивительно, но иные серьезные дела порой решались, как в той детской басенке про лису и лубяную избушку зайца. Иначе как бы датчанин Рюрик захватил власть над приладожскими, а потом и прильменскими словенами и стал первым в чередѣ русских князей?

Однако князь Ярослав Владимирович не любил варягов. Они — меч обоюдоострый: никогда не угадаешь, о какую сторону порежешься. Они дали ему возможность бороться

и с собственными братьями, и с польским королем Болеславом — бороться, победить и стать одним из сильнейших государей христианского мира. Но он помнил, что его собственные предки — как по отцу, так и по матери — когда-то пришли на Волхов, Ильмень и Полоту как предводители наемной дружины. И как знать, не таятся ли в лохматой голове Ульва, за его широким, обветренным, изрезанным глубокими морщинами красным лбом замыслы стать новым Рюриком, новым Рогволодом?

Но, несмотря на все эти безрадостные мысли, лицо князя Ярослава оставалось спокойным и выражало уверенное превосходство: дескать, что взять с человека, который едва стоит на ногах!

— Сегодня, Ульв, лучшим вождем для тебя будет крепкий хороший сон! — со снисходительным сочувствием сказала княгиня Ингигерда. — И хотя ваш грид не так хорош, как палаты императора в Миклагарде, он еще вполне пригоден для того, чтобы дать приют усталым бойцам!

— Как говорится, пьяный не знает, что делает! — вздохнул Бьёрн сын Тородда, один из сотников варяжской дружины.

Князь Ярослав искоса посмотрел на него. Он знал и дружную пословицу: «Что у трезвого на уме...»

Наутро после этого пира Елисава, старшая из трех дочерей Ярослава Владимировича, зашла в горницу за матерью, чтобы вместе идти в церковь. Вторая дочь, Предслава, была скорее ленива, чем благочестива, и после пиров всегда спала долго; самая младшая, двенадцатилетняя Прямислава, еще одевалась. Перед дверью княгининой спальни боярыня Мария Держиславна, жена тысяцкого Бранемира, поднялась ей навстречу и замахала руками:

— погоди, Ярославна! Князь там. Слышно, гневается. Не ходи, погоди.

Елисава легонько отодвинула ее, подошла к двери вплотную и прислушалась. Сквозь резную дубовую дверь слов

было не разобрать, но она хорошо слышала, что голос отца звучит резко и раздраженно. На людях князь Ярослав всегда сохранял невозмутимость, но перед женой не имел нужды притворяться. Княгиня Ингигерда была очень сильной женщиной, умной, гордой, властной, изобретательной и отважной. Ни в молодости, ни теперь она не пряталась за мужнину спину и в случае надобности прекрасно могла бы сама управлять любой державой. Норманны, бывавшие на Руси, потом рассказывали дома, что все важные дела в Киеве решает королева Ингигерд и ее приближенные. Конечно, они преувеличивали, но княгиня действительно выступала первым советчиком мужа.

Сейчас она что-то отвечала Ярославу, невозмутимо и уверенно, как обычно. Она-то никогда не выходила из себя. Все дочери, да и сыновья тоже, считались с ней даже больше, чем с отцом, потому что поддержка матери всегда обещала успех. Князь Ярослав, одержавший немало побед над внешними врагами, у себя наверху, в жилых горницах, зачастую уступал жене и детям, лишь бы сохранить мир в семье. Ведь что он без своей семьи, где найдет союзников, если рассорится с ней? С молодости он хорошо помнил, какое страшное зло несут семейные раздоры: грех братоубийства, войны и разорение земли. Он не желал такой участи своим сыновьям и даже соглашался терпеть поражения на «домашних тингах», лишь бы его дети оставались дружны между собой.

Но сегодня, похоже, беседа обещала затянуться. Елисава вышла из горницы и стала спускаться в нижние сени. Она, как и отец, надеялась, что устами Ульва вчера говорил хмель, но такие разговоры, однажды возникнув, редко проходят бесследно.

Во дворе ждали несколько женщин, жен и дочерей Ярославовых бояр. Завидев старшую княжью дочь, женщины стали кланяться, поглядывая на двери сеней и ожидая прочих. Елисава кивнула своей подруге Саломее и знаком при-